

РЕЦЕНЗИИ

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ АНДРЕЯ МАЛЫШКО *

Около тридцати лет работает в украинской литературе Андрей Малышко. Человек своеобразного поэтического дарования, человек «своей песни», он выпустил за это время ряд стихотворных сборников. Несколько раз издавались в Москве и в Ленинграде книги его стихов в переводах на русский язык. Поэма «Прометей» переведена и на многие европейские языки. О творчестве Малышко на украинском языке написано немало статей и серьезных литературно-критических исследований (статьи Л. Новиченко, Ю. Кобылецкого, книги С. Крыжановского, Л. Коваленко и других). К сожалению, на русском языке нет до сих пор даже популярного очерка жизни и творчества А. Малышко. Хочется надеяться, что этот пробел будет скоро ликвидирован.

Сам Андрей Малышко однажды назвал свой путь «тяжелым горным подъемом». О трудностях и радостях этого подъема и идет речь в книге Л. Коваленко.

Очень сжато, но с большим знанием дела в книге рассказано о тех традициях украинской и русской литературы, которые продолжает А. Малышко, никогда при этом не становясь на путь эпигонства, механического копирования идей, «приемов творчества». Полной горстью черпает поэт из народного творчества, но, как это хорошо показано в рецензируемой книге, мы почти не находим у него следов «стилизации».

Певцом простого советского человека называет Андрея Малышко исследователь и справедливо рассматривает его творческий путь довоенного периода как путь от деклараций, от поверхностного изображения нового человека к глубокому проникновению в его психологию, к созданию полнокровных образов наших современников. Уже тогда обнаружилось не только стремление поэта брать для своих произведений острые, напряженные драматические ситуации, разрешать их на большом лирическом дыхании, но и его умение схватывать моменты *зарождения* новой человечности, светлой любви, радостной дружбы и изображать их осторожно, мягко, нежно и — скажем от себя — с романтической приподнятостью.

Развитие довоенного художественного творчества Андрея Малышко Л. Коваленко удалось рассмотреть в действительном единстве и взаимовлиянии формы и содержания. Прежде всего это, на наш взгляд, относится к художественному анализу книги «Лірика». На примере стихотворений «Батьківщині», «Учитель», «Урожай» показан рост мастерства поэта сравнительно с первыми стихотворениями А. Малышко и с его произведениями, входившими в сборники «Дружба» и «Батьківщина». Интересны характеристика роли «меткой детали», «прямой речи» в определении спе-

* Леонід Коваленко, Поет Андрій Малишко, ДЛВ, Київ, 1957, 236 стр.

цифики поэзии А. Малышко, замечания (к сожалению, не развернутые) о лиро-эпическом характере его творчества; интересны наблюдения (правда кое в чем спорные, кое-где неточные) над ролью пейзажа и приемами его изображения в поэзии Малышко. Досадно, что исследователь не отметил своеобразного использования «развернутого сравнения» в стихах поэта («Гроза прошла») и — что особенно важно — точности, чеканности авторской речи, порой достигающей сжатости афоризма, как, скажем, в стихотворении «Дядько мій, Микита — чернокнижник...»:

Інколи ми падаєм в дорозі,
Та безсмертно починаєм жити.

Много свежих наблюдений над содержанием и формой стихотворений А. Малышко и в разделах, посвященных сборникам «З книги життя» и «Нарождення синів». Из последнего сборника особенно удачно, с точки зрения идейной и художественной, проанализирован основной цикл стихов — о Шевченко. Есть несомненные находки у исследователя и в характеристике книг «Листи червоноармійця Опанаса Байди» и «Березень».

Четкая внутренняя связь анализа каждого последующего сборника с анализом предыдущих сборников позволяет читателю наглядно видеть, как зреет мысль поэта, растет мастерство, формируется индивидуальный стиль. При этом обстоятельный разговор о художественных достоинствах и недостатках сборников, о жанровой специфике, о склонности поэта к тем или иным образам и тропам нисколько не утомляет, так как органически включается в решение проблемы художественного воплощения любимых героев А. Малышко — незаметных, скромных людей — строителей социализма.

Глава «В битвах и походах», посвященная творчеству Андрея Малышко эпохи Великой Отечественной войны, — лучшая в книге. Анализируя превосходные стихотворения А. Малышко — такие, как «Мати», «Зайшли ми до хати», «Я бачив незабутнє», «Притомлені, бородаті...», «Діти мої малі, що буде з вами?..», «Теслярі», «Кашовар», «Маруся», «Прощатись будемо в бліндажі...», — Л. Коваленко показывает Малышко — поэта гнева и надежды. Любимым его героем остается простой советский человек, отстаивающий свою свободу или беззаветно трудящийся на колхозном поле, на заводе, на фабрике ради победы над «лютым катом».

И здесь исследователь сумел показать, что поэт сказал *свое* слово о советском воине, о советском человеке, на долю которого выпали величайшие испытания.

К сожалению, отдельные просчеты, как мне кажется, допущенные исследователем, мешают ему полностью раскрыть перед читателем все богатство книги «Битва», да и некоторых других.

Признавая силу «лирического начала» в поэзии Андрея Малышко, автор, думается, все-таки не уделяет ему должного внимания. В результате в сборниках военных лет он обнаруживает меньше удач, чем они содержат на самом деле.

Явно недооценивает исследователь и то, что условно можно назвать романтической приподнятостью творчества поэта, сказывающейся как на содержании, так и на форме произведений Андрея Малышко.

Досадно также, что Л. Коваленко как-то прошел мимо очевидной философской углубленности поэзии А. Малышко.

В результате, не найдя «точной и выразительной детали» в «Испанских балладах», Л. Коваленко не оценил по достоинству их героического пафоса. По той

же, видимо, причине недостатки сборника «3 книги життя» оказались настолько преувеличенными, что сборник неосновательно отнесен к неудачам поэта. По всей вероятности, в силу той же причины, анализируя сборник «Березень», исследователь «пристрастно» оценил стихотворение «Бусел» и прошел мимо таких достижений поэта, как его лирические стихи «с лукавинкой», например «Липневый день»; наконец, не нашел места для подробной характеристики блестяще написанного стихотворения «Коли я йшов у люди».

Эти просчеты объясняются тем, что Л. Коваленко, хорошо видя глубокую связь творчества А. Малышко с жизнью нашей эпохи, понимая, что талант поэта насквозь земной, сосредоточивает все свое внимание на «реалистической конкретности» его творчества, не замечая, что этому таланту не противопоказана ни так называемая «поэзия идей», ни «патетика будущего».

Отчасти в этом, видимо, повинна и та путаница, которая царит в нашем литературоведении по вопросу о сущности и формах проявления романтизма. До сих пор он воспринимается как нечто «неполноценное», противостоящее реализму. Однако, «прикончив» романтизм, мы многое не поймем не только в творчестве Горького, Багрицкого, но и в нашей литературе нынешнего дня.

К счастью, при анализе послевоенного творчества Малышко автор отказался от позиции, занятой в этом вопросе вначале. В результате анализ сборника «Ярославна» отличается полнокровностью, выразительностью.

Думается, что и интересный разбор выдающихся произведений Андрея Малышко — поэм «Прометей» (1946) и «Це було на світанку» (1948) — значительно выиграл бы в полноте и выразительности, не будь он отмечен указанной односторонностью в подходе исследователя. Характерно, что при анализе поэм Л. Коваленко вынужден оговориться, что А. Малышко на протяжении всего своего творчества питает склонность к активному, революционному романтизму (стр. 194). Но эта оговорка сделана в скобках и почти не реализуется в конкретном анализе замечательных поэм.

Л. Коваленко правильно расценивает поэмы «Прометей» и «Це було на світанку» как крупные достижения советской литературы. Приходится пожалеть только о том, что он очень скупо осветил ту историко-литературную традицию, с которой они, бесспорно, связаны.

Лучшие качества «маленького великого человека», проявившиеся в годы Отечественной войны, Малышко запечатлел в поэме «Прометей», смело используя для изображения его не только реалистические, но и романтические приемы отражения жизни. Тот романтизм, начало которому было положено «Песней о Соколе» и «Человеком» Горького, здесь получил дальнейшее развитие, поскольку герой, о котором мечтал великий пролетарский писатель, стал реальным и распространенным явлением.

В поэме «Це було на світанку» разработана другая горьковская тема — тема всечеловеческого значения мирного труда рядовых советских людей. А. Малышко рассматривает этот труд в широком социально-философском плане — как гигантское преобразование облика всей земли.

Необходимо заметить, что в отличие от предшествующих произведений поэта в этих доминирует не лирическое, а эпическое начало.

В последующие годы А. Малышко работает с прежней интенсивностью. Он выпускает стихотворные сборники «Весняна книга», «За синім морем», «Корейська поема», «Книга братів». В рецензируемой книге им посвящена заключительная глава. Но — странное дело! — она написана совершенно иначе, нежели все остальные. В ней, по

существо, нет ни идейного, ни художественного анализа названных сборников. А ведь они значительно сложнее, чем другие книги А. Малышко, и не лишены противоречий. Рядом с превосходными стихотворениями в них немало стихов «проходных», бледных, невыразительных. Не случайно сборник «За синім морем» получил почти противоположную оценку со стороны таких крупных поэтов, как М. Рыльский и А. Твардовский. На мой взгляд, в сборнике больше достоинств, чем недостатков. Важнейшее достоинство — то новое, что сказал А. Малышко о трудовой Америке, об Америке будущего.

Лучшими произведениями в «Книге братів» являются стихотворения, посвященные современности. Среди них — одно из лучших во всем творчестве А. Малышко, заслуживающее подробного анализа, — стихотворение «Про вдову». В нем нарисован чудесный образ простой украинской женщины — вдовы, стойко перенесшей тяжелые испытания войны, неутомимой в колхозной работе, щедрой в заботе о людях.

Л. Коваленко хорошо владеет материалом своего исследования. Тем большее недоумение вызывает незавершенность, фрагментарность последней главы. Невольно думается, что первый раздел ее дописывался им несколько лет спустя после написания других глав и дописывался в большой спешке. Во всяком случае, предшествующие главы, отличающиеся богатством содержания, обилием метких наблюдений над «художественной тканью» произведений А. Малышко, не дают оснований для каких-либо иных предположений. Хочется надеяться, что при подготовке книги для второго издания автор ее коренным образом переработает первую часть заключительной главы, обстоятельно рассмотрит в ней творчество поэта 50-х годов, в особенности сборник его ярких стихотворений «Що записано мною». Это тем более необходимо, что А. Малышко по-прежнему весь в исканиях, и по-прежнему перед ним дорога — «все далі і вдаль». К тому же вся книга выдержана в духе суровой требовательности к поэту. Это хорошо, в этом проявляется подлинное уважение критика к таланту поэта, не нуждающегося в скидках. Но ведь и критик вряд ли в них нуждается?!

Книга Л. Коваленко толкает на размышления: со многим соглашаясь, о многом хочется поспорить. И это еще одно очень важное ее достоинство. Мне кажется, многие из тех, кому она попадет в руки, заново перечитают потом книги Андрея Малышко. И перед ними пройдет волнующая картина ратных и трудовых подвигов украинского и всего советского народа, по крайней мере за последние тридцать лет, встанет в своей неповторимой красоте «маленький великий человек», певцом которого является талантливый украинский поэт.

А. ОВЧАРЕНКО

ИЗ ИСТОРИИ УКРАИНСКО-ПОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ*

Проблема взаимообогащения и взаимосвязей между родственными славянскими литературами все больше привлекает внимание историков, филологов и литературоведов. Не только у нас, но и в Польше, Болгарии, Югославии, Чехословакии появляются работы, в которых рассматриваются коренные вопросы литературных, общественно-политических и культурных связей между славянскими странами. Можно

* Г. Д. Вервес, Іван Франко і питання українсько-польських літературно-громадських взаємин 70—90 років XIX ст., Видавництво Академії наук УРСР, Київ, 1957, 362 стр.